

ТОМ 1. ЧУЖАК

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ДЕБЮТ В ЕХО
2. ДЖУБА ЧЕБОБАРГО И ДРУГИЕ МИЛЫЕ ЛЮДИ
3. КАМЕРА № 5-ХОХ-АУ
4. ЧУЖАК

3. КАМЕРА N 5-ХОХ-АУ

Есть у меня такая примета: перед всяким большим делом в Доме у Моста наступает затишье. Если мне приходится несколько ночей кряду дремать в кресле, задрав ноги на стол, значит, скоро начнется кутерьма.

Впрочем, я и не возражаю. Служба в Тайном Сыске пока не кажется мне рутинной. И вряд ли когда-нибудь покажется, если все пойдет, как сейчас.

Когда неотложных дел становится больше, чем исполнителей, все вокруг стоит на ушах, и крыша едет от избытка новых впечатлений, мое личное время перестает совпадать с ходом часовых стрелок. Порой за один день словно бы проживаешь несколько лет, но не успеваешь стать старше.

Это мне нравится. Я жаден до жизни. Даже те несколько сотен лет, которые почти гарантированы каждому обитателю этого Мира, кажутся мне очень маленьким сроком. Положа руку на сердце, я просто хочу жить вечно, желательно не слишком дряхлая, хотя и старость меня не так уж пугает. Стоит только посмотреть на Джуффина или на того же сэра Кофу, и сразу понимаешь, что солидный возраст – скорее преимущество, чем проблема.

В то утро сэр Кофа Йох явился ровно на десять секунд раньше Джуффина. За это время он успел усестись в кресло, стереть с лица очередной дежурный облик (низкий лоб, длинный хрящеватый нос, высокие скулы, чувственные губы, раздвоенный подбородок) и сладко, с хрустом потянуться.

Словно бы соглашаясь с коллегой, сэр Джуффин заразительно зевнул на пороге. Водрузил себя на место, снова зевнул – протяжно, с подвыванием. Такие вещи чрезвычайно заразительны: я тоже начал зевать и потягиваться, хотя не так уж скверно выпался сегодня на рабочем месте. Просто отлично выпался, если начистоту. Стоило устраиваться на ночную работу, чтобы наконец сменить привычный свиный режим на общечеловеческий...

Мне, собственно, можно было идти домой. Даже положено. Но прежде я решил выпить кружку камры в обществе старших коллег. А то ведь знаю я их: вот я уйду, а они сразу же начнут беседовать о каких-нибудь Самых-Интересных-В-Мире-Вещах. Нет уж! Сейчас со службы меня можно было вытурить только силой.

– Судя по тому, как отвратительно я спал этой ночью, мы можем арестовать все население Ехо за злоупотребление недозволенной магией, – проворчал наконец Джуффин, сердито отхлебнув полкружки камры за один прием. – Куда мы их только сажать будем? В Холоми не так уж много свободных камер.

– Так скверно? – недоверчиво прищурился сэр Кофа.

– Хуже, чем скверно. Стоило мне задремать, как очередной сигнал о применении недозволенной магии заставлял меня подскакивать до потолка. Угораздило же меня уродиться столь чутким... Что такое творилось сегодня, Кофа? Вы в курсе? Фестиваль "Колдуем вместе" с участием представителей всех Древних Орденов? – наш начальник

возмущенным залпом прикончил камру и с удовольствием предположил: – Неужели я проспал государственный переворот?

Сэр Кофа с отеческой снисходительностью взирал на его возмущение из глубины своего кресла. Дождавшись наконец тишины Кофа соизволил пуститься в объяснения.

– Сочувствую, Джуффин, но все не так уж занимательно. Скорее, печально.

– Еще бы не печально... Так что все-таки случилось?

– Вы не хуже меня знаете, что старый сэр Фрахра совсем плох. Знахари тут бессильны: ему, как ни крути, больше тысячи лет. Не всякий колдун столько проживет, а Фрахра всего-то и был младшим послушником какого-то задрипанного Ордена; впрочем, и оттуда его быстро выперли. Пристроили ко Двору, тем дело и кончилось...

– Да, все это я знаю. Неужели старик решил попробовать продлить свою жизнь? Сомнительно что-то: он мудрый человек и хорошо знает предел своих возможностей.

– Он, безусловно, очень мудрый человек. Достаточно мудрый, чтобы понимать, с чем в Мире надо как следует проститься перед уходом. При этом домочадцы и слуги его обожают. В том числе и повар...

Взор Джуффина просветлел.

– Ну да, господин Шутта Вах, младший сын легендарного Вагатты Ваха, главного повара Двора Гурига VII. Того, что ушел в отставку после принятия Кодекса Хрембера.

– И правильно сделал. Старая кухня – есть старая кухня. Такой виртуоз, как Вагатта Вах... Что он стал бы делать на кухне без магии двадцатой-тридцатой ступени? Командовать поварятами? Да уж...

– А Шутта кое-чему научился от папеньки, насколько я знаю, – мечтательно протянул Джуффин.

– Естественно. Как вы понимаете, Шутта Вах за своего старого господина – в огонь и в воду. Ну, а немного нарушить закон, чтобы побаловать умирающего сэра Фрахру фирменным блюдом их семьи – самое малое, что он мог сделать... Короче говоря, вчера ночью родился пирог Чаккатта. Все ночные гуляки Ехо до утра держали нос по ветру, сами не понимая, почему.

– Я прошая ему свой истерзанный сон, – вздохнул Джуффин. – Парень, конечно же, нашел вас и попросил замолвить словечко за свою грешную голову?

– Шутта Вах действительно нашел меня и предупредил, что намерен нарушить закон, – кивнул сэр Кофа. – Его преданность Королю – вопрос наследственности, а не убеждений. Парень решил избавить нас от лишних хлопот. Сказал, что если мы сочтем нужным отправлять его в Холоми – на здоровье. Просил только подождать до утра. Дескать, накормит старика, а там хоть на плаху.

– Этот пройдоха знает, что рука Джуффина Халли не поднимется на кухонного чародея... Что ж, надеюсь, что сэр Фрахра умрет счастливым. Хотел бы я быть на его месте!

– Шутта действительно надеется на вашу лояльность. И в знак признательности он решил разделить с вами ответственность, – сэр Кофа извлек из складок своего лоохи шкатулку и бережно передал ее Джуффину.

Тот принял шкатулку как величайшую драгоценность. Клянусь, никогда не видел на его лице столь почтительного выражения! Он поднял крышку, аккуратно опустил откидывающиеся стенки. Нашему взору предстал огромный кусок пирога. Он выглядел как аккуратный треугольник чистейшего янтаря, сияющий изнутри теплым светом. Руки Джуффина дрожали, честное слово! Вздохнув, он взял нож, отрезал маленький ломтик.

– Держи, Макс. Ты представить себе не можешь, как тебе повезло!

– Ты представить себе не можешь, какую тебе оказывают честь, – улыбнулся Кофа. – Если бы Джуффин отдал за тебя жизнь, это я еще как-то смог бы понять. Но поделиться пирогом Чаккатта! Что это с вами, Джуффин?

– Не знаю. Просто он везучий, – вздохнул Джуффин. – С вами, Кофа, не делюсь. Уверен, что свою порцию вы уже получили.

– Не без того. Так что пусть ваша совесть будет спокойна.

– И наверняка тот кусок был побольше...

– У зависти глаза велики. Мой кусок был почти вдвое меньше.

Я зачарованно крутил в руках свой ломтик. Что же это за пирог такой? Что это должно быть, чтобы у сэра Джуффина Халли дрожали руки? И я осторожно откусил краешек сияющего чуда.

Ни в одном из человеческих языков нет слов, дабы описать, что случилось в моем рту в то чудесное утро. И если вы думаете, что испытали все наслаждения, которые могут извлечь ваши вкусовые рецепторы... Что ж, пребывайте в счастливом неведении! Я умолкаю, ибо вкус пирога Чаккатта – по ту сторону слов.

Когда пиршество кончилось, мы некоторое время печально молчали.

– Неужели невозможно отменить запрет хотя бы для поваров? – жалобно спросил я, потрясенный несправедливостью мирового устройства. – Если это – одно из блюд старой кухни, не решаюсь представить себе остальные.

Мои старшие коллеги печально переглянулись. У них были лица людей, навеки утративших самое дорогое.

– К сожалению, Макс, считается, что Мир может рухнуть и от этого! – вздохнул Джуффин. – К тому же Кодекс Хрембера писали не мы.

– Тот, кто его писал, наверное, лет сто просидел на строжайшей диете и возненавидел все человечество, – буркнул я. – Неужели даже Его Величество и Великий Магистр Нуффин не могут себе позволить есть пирог Чаккатта за завтраком? Не верю!

– Интуиция у тебя и правда отменная. Насчет Короля сомневаюсь, зато в городе судачат о секретной кухне, укрытой в подвалах Иафаха, главной резиденции Ордена Семилистника, – с деланным равнодушием заметил сэр Кофа.

– Может быть, мне вовсе не в Тайный Сыск надо было наниматься? – я адресовал Джуффину укоризненный взгляд. – Заболчите за меня словечко в этом вашем Семилистнике, пусть хоть в дворники наймут, а?

Джуффин рассеянно покивал, залпом допил остывшую камру и одарил нас ослепительной улыбкой.

– Жизнь продолжается, – провозгласил он, – а посему скажите мне, драгоценный мой друг: пирог пирогом, но ведь были и еще происшествия?

– Все, можно сказать, по ведомству генерала Бубуты, – отмахнулся Кофа. – Мелочевка. Просто слишком много происшествий за одну ночь, вот вам и не спалось. Например, идиоты контрабандисты пытались скрыть свой груз от таможни, применив черную магию пятнадцатой ступени. Представляете?

– Да, – сокрушенно кивнул Джуффин, – исключительное слабоумие. Все равно, что украсть старую скабу и потом взорвать весь Правый Берег, чтобы никто не догадался.

– Еще подделка драгоценностей. Черная магия всего-то шестой ступени! Потом была неумелая попытка самостоятельно приготовить снотворное. Это вообще чистой воды ерунда... Ну, вот вам кое-что посерьезнее. Белар Гроу, бывший послушник Ордена Потаенной Травы, заделался карманником. Хорошим, кстати, специалистом! Этой ночью его чуть было не поймали... да посмотрите сами!

Он протянул Джуффину несколько самопишущих дощечек: удобнейшее, скажу вам, изобретение! Знай себе думай, а они запишут. При этом, правда, выясняется, что некоторые люди даже думают с грамматическими ошибками, но тут уж ничего не поделаешь.

Джуффин снисходительно изучил дощечки.

– Хотел бы я знать, чем все-таки занимается Бубута Бох в рабочее время? И какую часть тела он использует для мышления, когда в этом возникает острая надобность? Ведь даже не задницу: она у него большая, глядишь, до чего-то путного могла бы додуматься... Ладно. Отдадим ему горе-знахаря и контрабандистов, а ювелира и карманника придержим на потом.

Сэр Кофа важно кивнул.

– С вашего позволения, я откланяюсь. Хочу по дороге домой, выпить камры в "Розовом Буривухе". Готовить ее они толком не умеют, но там собираются самые языкастые кумушки Ехо, как раз утром, по дороге с рынка. Не думаю, что... Хотя... – сэр Кофа умолк и почти машинально провел рукой по лицу, которое тут же начало изменяться. Потирая растущий на глазах нос, он отправился прокучивать остаток казенных средств.

– Джуффин, – смущенно начал я, – скажите, а почему бы не передать Бубуте Боху все дела сразу? Он, конечно, козел. Но разгуливающий на свободе преступник – это, кажется, неправильно? Или я опять чего-то не понял?

– Неверно формулируешь. Не «чего-то не понял», а не понял ни-че-го! Разгуливающий на свободе преступник – это мелкая неприятность, а разгуливающий по Дому у Моста Бубута – это катастрофа государственного масштаба. Тем не менее мне приходится с ним уживаться. А "уживаться" в моем понимании означает – контролировать ситуацию. А "контролировать ситуацию" – это значит, что сэр Бубута Бох всегда должен быть нам обязан. Это – единственное состояние его сознания, которое способствует конструктивному диалогу. В то же время у нас всегда должно быть про запас нечто такое, о чем генерал Бубута не знает. Вдруг придется срочно сделать ему подарок или, напротив, припугнуть? Благодарность Бубуты Боха столь же неудержима и шумлива, как газы, которые он выпускает на досуге. И так же недолговечна, как их аромат.

– Как все сложно-то! – посетовал я.

– Сложно?! Это элементарно, парень!... Кстати, а что такое "козел"?

– "Козел" – это сэр Бубута Бох. А вот вы – настоящий иезуит, сэр!

– Ты здорово умеешь ругаться, если захочешь, – восхитился Джуффин.

– Прошу прощения! – незнакомец, в которого только что превратился сэр Кофа, снова заглянул в кабинет. – С этим грешным пирогом я совсем забыл о главном. Всю ночь в городе циркулировали слухи, что в Холоми умер Бурада Исофс. Я проверил – так оно и есть. Он сидел в камере номер 5-хox-ау. Джуффин, обратите внимание! Как вам это нравится?!

– Подумать только, – проворчал наш начальник. – Каким образом ночные гуляки узнают подобные вещи? Тем паче, что дело было в Холоми...

– Сами говорили, что в Ехо полно дерьмовых ясновидцев! – напомнил я.

– Да уж... Спасибо, Кофа! Порадовали... Сколько народу перемерло в этой камере за последние несколько лет, Куруш?

Сонный буривух недовольно нахохлился, но выдал информацию на 225 день 115 года.

– Досот Фер умер в 114 день 112 года в камере N 5-хox-ау Королевской тюрьмы Холоми. Толосот Лив умер в 209 день 113 года там же. Балок Санр умер в 173 день

114 года. Шивет Марон умер в 236 день 114 года. Ахам Анн умер в 78 день 115 года. Совац Ловод умер в 184 день 115 года... Бурода Исофс умер там же в 224 день 115 года, если я правильно понял сэра Кофу... Дайте кто-нибудь орехов, – неожиданно неофициальным тоном закончил Куруш.

– Конечно, дорогой! – Джуффин покорно полез в ящик стола за орехами, которых там было куда больше чем секретных документов. – Ступайте по своим делам, Кофа. Вы молодец, что напомнили мне об этой истории. Подумаем, что тут можно сделать...

Наш несравненный "Мастер Кушающий-Слушающий", как окрестил его Мелифаро, кивнул и исчез в полумраке коридора. Дверь бесшумно закрылась. Я поежился под изучающим взглядом сэра Джуффина Халли.

– Ну как, Макс, возьмешься за это дело?

– С какого конца я за него могу взяться?

– С того единственного и неповторимого конца, который мы имеем. Отправишься в Холоми, посидишь в этой камере. Нарвешься на неприятности, узнаешь, что там творится. Ну и сообразишь по обстоятельствам, что можно предпринять.

– Я? В Холоми?!

– Ну, а куда же еще? Мрут-то там, а не у тебя дома. Завтра и отправишься... Да не переживай ты так! Судя по всему, долго ждать развития событий тебе не придется... Я уверен, что лучше тебя с этим делом никто не справится.

– С каким делом? С сидением в тюрьме?!

– И с этим тоже, – сэр Джуффин Халли плотоядно улыбнулся. – Да что с тобой, сэр Макс? Где твое чувство юмора?

– Где-то там, сейчас поищу, – я махнул рукой в неопределенном направлении, доказав, что мои дела не так уж плохи.

– Послушай меня внимательно, Макс. Рано или поздно это все равно бы случилось...

– Вы имеете в виду, что меня все равно упекли бы в Холоми?

– Далась тебе эта тюрьма! Я с тобой серьезно говорю. Рано или поздно тебе придется в первый раз начать действовать самостоятельно. Поэтому лучше уж пусть это произойдет сейчас! Не самое решающее для судеб Мира дело. И не самое сложное, кажется... И я в любой момент смогу прийти на помощь, хотя уверен, что это не понадобится. В общем, сэр Макс, в твоём распоряжении весь день, ночь и завтрашнее утро в придачу. Думай, планируй. Все, что потребуешь – к твоим услугам. А сегодня вечером вместо службы приходи ко мне. Прощальный ужин для будущего узника, все доступные гастрономические наслаждения Мира к твоим услугам!

– Спасибо, Джуффин.

– Ничего, сочтемся!

– Но может быть, вы мне все-таки объясните...

– Никаких объяснений, и не проси! Вот ужином накормить – это всегда пожалуйста!

На том мы и расстались.

Вечером я отправился на Левый Берег, окрыленный надеждой, что сейчас мне наконец объяснят, какого черта я должен делать в тюрьме Холоми... Но как же, станет это чудовище менять свои ужасные решения! Дескать, ты сюда жрать пришел – вот и двигай челюстями мне на радость. А то все о работе, да о работе – сколько можно-то!

Ужин, по словам Кимпы, был создан господином "па-а-а-ачетнейшим начальником" лично. Оказалось, что сэр Джуффин Халли великолепно готовит! Но я-то ждал совершенно другого. Я жаждал инструкций.

– Расслабься, сэр Макс! Забудь! Завтра – это завтра... Кроме того, я совершенно уверен: как только ты окажешься на месте, тебе в голову тут же придет какая-нибудь глупость, которая окажется единственно верным решением. Попробуй лучше вот это...

Хуф, маленький песик Джуффина и мой лучший друг, сочувственно сопел под столом. "Макс тревожится... плохо", – донеслась до меня участливая Безмолвная речь собачки. "Один ты меня любишь и понимаешь", – с нежностью ответил я. И снова принялся ныть.

– Джуффин, всем вашим комплиментам я предпочел бы лист бумаги, где печатными буквами по порядку перечислены все действия, которые я должен осуществить.

– Все равно перепутаешь... Ты жуй, Макс! Это – лучшее, на что я способен... Уже лет сорок мечтаю уйти в отставку и открыть ресторан. Это было бы похлеще "Обжоры"!

– Не сомневаюсь. Только Король не отпустит вас в отставку.

– Оно, конечно, так... до поры до времени.

– А вам не приходит в голову, что народ побоится ходить в такое заведение? Какие слухи пойдут по городу о вашей кухне? Что вы строгаєте во все блюда вяленое мясо мятежных Магистров? И сцеживаете в суп кровь невинных младенцев?

– Вурдалаки с тобой, парень! Это же лучшая реклама! Впрочем, невинные младенцы – это что-то новенькое. Надо будет запустить и такой слух...

Ничего более содержательного я от него так и не дождался.

Впрочем, одна идея меня в тот вечер все же осенила, уже перед самым уходом.

– Я решил взять с собой сэра Лонли-Локли, – торжественно заявил я, поражаясь собственной гениальности. – Это, надеюсь, возможно?

– Вообще-то камера рассчитана на одного. Будете спать в обнимку? Впрочем, с твоими представлениями о комфорте...

– Нет, вы не поняли. Я собираюсь его уменьшить и спрятать в кулаке. Сэр Шурф меня как раз этому научил несколько дней назад. Он говорит, у меня здорово получается... Правда, мне пока не доводилось практиковать на живых людях, – нерешительно добавил я. Моя самоуверенность испарялась, как лужа в пустыне.

– А никакой разницы, – успокоил меня Джуффин. – Отличная идея, Макс. Говорил же я, что никто лучше тебя с этим делом не справится!

– Надеюсь, что так оно и есть... А сам-то Лонли-Локли согласится?

– Во-первых, Шурф будет польщен твоим доверием. Он ведь воспринимает тебя куда серьезнее, чем ты можешь вообразить... А во-вторых, его мнение, по большому счету, никого не интересует: приказ есть приказ. Привыкай, кстати. Ты – мой заместитель и приказывать – твоя прямая обязанность.

– Грешные Магистры, чего я терпеть не могу, так это приказывать! – поморщился я.

– Да уж... А кто запугал своим грозным рычанием всех младших служащих на нашей половине Дома у Моста? А кто Бубуту до припадка чуть не довел? Не приbedняйся, сэр Макс! Из тебя выйдет отличный тиран – из тех, кого с наслаждением убивают во время государственных переворотов.

– Когда у меня наконец появилась возможность отдавать приказы, первые дня два я действительно был счастлив, – смущенно признался я, – есть такое дело... А потом понял, что это занятие не по мне. Даже посылая курьера за камерой, я перестаю быть

тем симпатичным Максом, которого я столько лет знаю... Так что приказ отдает кто-то другой. Не могу сказать, что он мне нравится!

– Экая ты у нас сложная натура! – ухмыльнулся Джуффин. – Ладно, не переживай: я сам пошлю Шурфу зов и все ему объясню. Есть еще пожелания?

– Пока нет. В чем я действительно уверен, так это в том, что в компании Лонли-Локли мне будет спокойнее... Джуффин, я вам никогда не говорил, что я – довольно трусливый парень? Имейте в виду.

– Представь себе, мне тоже так будет спокойнее, – признался Джуффин. – А я тебе никогда не говорил, что я – не в меру осторожный старый хитрец?.. Учись формулировать, сэр Макс. Я сказал примерно то же, что и ты, а насколько приятнее для самолюбия!

Гостеприимный дом своего шефа я покинул почти в смятении. Я пытался убедить себя, что если уж у Джуффина хватило ума доверить мне самостоятельно разработать и провести операцию, то так ему и надо! Получалось довольно неискренне. Внезапно проснувшийся "комплекс отличника" нашептывал, что я должен все сделать "на пятерку" или умереть, чтобы не видеть собственного позора. Где он был, когда я учился в школе, этот комплекс, хотел бы я знать?!

Впрочем, сколько бы я ни ворчал, заранее было ясно, что когда все закончится, я буду счастлив узреть улыбку сэра Джуффина Халли и услышать его покровительственное заявление, способное dokonать человека, только что своротившего горы: "Вот видишь, Макс, я же тебе говорил, что все будет в порядке, а ты мне не верил!" Пришлось смириться с мыслью, что я готов героически свершать неведомо что во имя снисходительной улыбки своего начальника. Вот ведь до чего докатился!

Была холодная ночь. Одна из самых холодных за всю зиму. Ртутный термометр моей родины наверняка стоял бы сейчас на нуле по Цельсию. Климат в Ехо вообще более чем умеренный: ни морозов, ни жары, что, к слову сказать, совершенно меня устраивает. Романтика снежной зимы никогда не пленяла мое сердце. Терпеть не могу в сумерках идти на работу, шлепая по грязно-белым тротуарам одеревеневшими ногами в промокших ботинках. И раздумывать о том, в какую сумму влетят новые... А в разгар лета я душу отдать был готов за глоток свежего воздуха. Так что мягкий климат Ехо делает меня счастливым. Ну, хоть что-то делает меня счастливым, хвала Магистрам!

Я ехал домой и старался думать не о завтрашнем деле, а о чем-нибудь другом. Например, о том, успею ли я утром увидеть леди Меламори...

К тому моменту моя симпатия к Меламори уже начала принимать опасную форму. Хуже всего, что я никак не мог ее понять, хоть толмача нанимай! С вечера нашего первого знакомства она смотрела на меня с нескрываемым обожанием. Кажется, даже с легким испугом. Но чрезмерное восхищение, насколько мне известно, редко способствует возникновению настоящей близости. Так что я сам не знал: надеяться мне на что-то или взять себя в руки, пока не поздно?! И уверен ли я, что еще не поздно – вот в чем проблема...

Несколько дней назад она меня огорошила: "Приходите ко мне сегодня вечером, сэр Макс! Вы еще не знаете, где мой дом? Его очень просто найти, я живу возле Квартала Свиданий. Правда, забавно?"

У меня закружилась голова, я надулся, распустил хвост, два часа отмокал в бассейнах и напялил лучшее лоохи из своей скромной коллекции. Еще немного, и нос бы припудрил, благо здесь, в Ехо, мужчины не стесняются пользоваться декоративной косметикой, по крайней мере, в особо торжественных случаях. Но от последнего рокового шага меня все же удержало консервативное воспитание.

Сторожить рабочий кабинет я поручил Курушу: эта птица способна и не на такое! Но явившись к Меламори, застал там Малое Тайное Сыскное Войско, практически в полном составе. Поначалу я не смог скрыть разочарование:

– Леди, вы бы предупредили, что это обычное рабочее совещание. Мы что, на службе редко встречаемся?

Растерявшись, я всегда начинаю говорить бестактности. По счастью, на меня никто не обиделся.

– Зато у меня дома нет Бубуты, сэр Макс! – похвасталась хозяйка дома. – Скажу вам больше: его нет ни в одном из соседних домов. Удивительно, правда?

– Какой ужас, леди! С кем же я буду общаться? Я как раз намеревался побеседовать с компетентным специалистом обо всем, что плавает в сортирах. Дай, думаю, найду к леди Меламори: наверняка там уже сидит генерал Бубута...

Я развлекался как мог. Мои коллеги явно получали от этого удовольствие. В конце концов, я тоже развеселился, но завязкой романа на той вечеринке так и не запахло: вероломная леди всю кокетничала с Мелифаро и сэром Кофой, а мне доставались лишь нежные взгляды – с расстояния дюжины шагов, не меньше.

Я понял, что начинаю грустить, и постарался отвлечься от размышлений о Меламори. Как же, отвлечешься тут! Неопределенность наших отношений меня все же здорово издергала. Ну, послала бы леди меня подальше, что ли... Все стало бы ясно. Нет – значит нет, заинтересованные лица вешаются в сортирах, жизнь продолжается. Но при каждой встрече она пялилась на меня, как пятилетняя девочка на трехметрового Микки-Мауса: благоговейно приподнималась на цыпочки, восторженно хлопала ресницами, только что подружек не звала поглазеть. Сердце мое, ясен пень, от такого внимания таяло. И я увязал все глубже...

Фу ты, черт! Я отвлекся от печальных размышлений, внезапно заметив, что уже давно сижу в собственной гостиной и механически что-то пережевываю. Желудок со стоном заявлял, что я перестарался. Грешные Магистры, сколько же я успел съесть? И зачем?!

А в городе звонили колокола. Начиналось утро. Время, когда некоторым господам Тайным сыщикам следует вытряхиваться из кресел и отправляться в тюрьму Холоми, чтобы приятно провести время в камере, где часто умирают узники... В Холоми мне по-прежнему не хотелось. Но вовсе не потому, что в этой грешной камере все время умирали заключенные. В конце концов, это – их проблемы! Стыдно признаться: беспокойство вызывал сам факт предстоящего тюремного заключения. До сих пор мне как-то не приходило в голову, что я могу попасть в тюрьму. Тем более здесь, в Ехо! В интересах дела, конечно, но все-таки... По правде говоря, у меня коленки тряслись, когда я представлял себя в арестантской робе у зарешеченного окна. Кстати, а есть ли в Холоми окна с решетками? Зачем, собственно, решетки, когда к услугам тюремщиков магия всех мыслимых оттенков и ступеней...

Относительно сроков предстоящего нам с Лонли-Локли заключения, Джуффин не сказал ничего определенного. Дескать, вернетесь, как только с делом закончите. Это что же получается: ежели мы это грешное дело никогда не закончим, то я там так и останусь? Ничего себе перспектива!

Ладно бы я, а бедняга Лонли-Локли за что страдать будет? Впрочем, если нас откажут выпускать, мы весь остров Холоми в клочки разнесем. В тот момент, как сэр Шурф о супруге своей покинутой затоскует, сразу и разнесем!

С женой Лонли-Локли я, кстати, познакомился на вечеринке у Меламори. Потрясающая женщина! Умница, красотка и очень смешлива. Наверное, веселый нрав и предопределил ее сердечный выбор: нет ничего забавнее, чем эта парочка: она – маленькая, пухленькая, длинному сэру Шурфу чуть ли не по пояс. К тому же, под

рукой у леди Лонли-Локли всегда имеется объект для многочисленных острот, совершенно не способный на них обижаться. Фамилию его она за годы супружеской жизни научилась правильно выговаривать – вот и ладно...

Впрочем, мне показалось, что они все еще влюблены друг в друга. Когда сэр Шурф смотрел на жену, его непроницаемое лицо становилось вполне человеческим... Что ж, хорошо, что Лонли-Локли счастлив в семейной жизни: личное благополучие профессионального убийцы способствует общественному спокойствию. Сделав такой вывод, я развеселился.

Остаться в кресле я мог бесконечно: неприятные хлопоты всегда хочется отложить на завтра. Но «завтра» уже наступало; уютное, праздное «вчера» следовало сдать в архив и забыть. Коротенькое теплое «сегодня» все еще пребывало в мягком кресле, прямо под моей задницей. Но это не могло длиться вечно.

Я встал и начал собираться. Армстронг и Элла, мои понемногу взрослеющие котятка, басовито напомнили, что им пора завтракать. На прощание я был щедр, даже расточителен.

– Теперь вас будет кормить наш курьер, господин Урф, – сообщил я зверюгам, наполнив их миски. – Говорят, он хороший человек и вырос на ферме, где тоже кормил таких пушистых малышей... А я скоро вернусь. Посижу немного в тюрьме и вернусь, – я рассмеялся, осознав нелепость собственного монолога.

Армстронг и Элла задумчиво смотрели на меня синими глазами, неподвижными и непроницаемыми, как у сэра Джуффина Халли...

Утро было таким же холодным как ночь. Я шел в Дом у Моста, наслаждаясь каждым шагом. Мысль о том, что в Холоми я могу скоропостижно скончаться, как все мои предшественники, приятно обостряла ощущения. Хотя... Может же все это быть просто цепью нелепых совпадений. Да запросто!

Но сердце не обманешь. Мое сердце, во всяком случае. А оно понемногу наливалось свинцом. Что же будет, когда я окажусь в Холоми?! Я нервничал все больше и больше. Даже мысль о том, что грозный Лонли-Локли все время будет прятаться в моем кулаке, как некий волшебный кукиш, успокаивала лишь отчасти. Надо еще успеть его вовремя выпустить в случае нужды!

Сэр Шурф Лонли-Локли ждал меня в Зале Общей Работы. Как всегда, невозмутимый, спокойный, надежный. Чтобы не терять время, что-то записывал в свой "рабочий дневник". Глядя на него, и я приободрился.

– Вы готовы стать моей жертвой, сэр Шурф?

– "Жертвой"? Сэр Макс, вы явно преувеличиваете значение предстоящего события, – флегматично возразил он. – Поверьте, у меня нет никаких причин для беспокойства, а уж у вас – тем более...

– Что ж, спасибо за доверие! – И я совершил наконец незаметное постороннему глазу движение левой рукой. Лонли-Локли исчез. Теоретически я знал, что он не исчез, а оказался между большим и указательным пальцами моей собственной верхней конечности. Но в голове сие полезное знание как-то не укладывалось.

– Здорово, сэр Ночной Кошмар! – восхитился Мелифаро, высовываясь из своего кабинета. – Скажи пожалуйста, а не мог бы ты оставить его у себя лет на сто-двести?

– Леди Лонли-Локли будет возражать, а ее огорчать мне не хотелось бы, – улыбнулся я. – А с чего это ты так рано?

– Джуффин разбудил. Прислал мне зов, сказал, что придет не раньше полудня. Велел тебя проводить. Смерти моей он хочет... И ведь всегда вскакивал на рассвете, а сегодня – на тебе!

– Это он от меня скрывается! – гордо сообщил я.

– От тебя? Делаешь успехи! Насколько я знаю историю Соединенного Королевства, последние лет сто сэр Джуффин Халли ни разу ни от кого не скрывался. Вот в Эпоху Орденов было дело и не единожды. Так то ж Эпоха Орденов, тогда все друг от дружки бегали... Чем ты его запугал? – Мелифаро уселся напротив.

– Дашь камры – скажу! – посулил я, аккуратно укладывая ноги на стол. Из какого количества дурацких кинофильмов я выудил этот пошлейший жест, вспомнить страшно. – Ты же проводить меня пришел. Значит, должен позаботиться, чтобы я вышел отсюда счастливым. Вот и ублажай меня всеми доступными способами.

– Ну вот еще – ублажать уголовника! – проворчал Мелифаро. – Ладно уж, пользуйся моей щедростью, – он неспешно прогулялся в свой кабинет и принес оттуда кувшин с камрой и две кружки совершенно неправдоподобных размеров.

– Так почему же наш сэр "Па-а-а-ачетнейший Начальник" от тебя бегаёт?

– Я задаю слишком много вопросов. За это, собственно, он меня и упек в Холоми.

– А, всего лишь... Подумаешь – вопросы! Я-то решил, что вчера вечером ты попытался напоить его каким-нибудь отваром из конского навоза, фирменным блюдом ваших Пустых Земель...

– Было дело! – скромно потупился я. – Но Джуффин сказал, что всю неприятную работу обычно делает его Дневная задница. Молодец, что напомнил, сейчас я тебя угощу!

– Не надо! – Мелифаро изобразил на своем лице выражение неподдельного отчаяния и пулей улетел в кабинет. Несколько раз испуганно выглянул оттуда, потом шутка наскучила, и он вернулся.

Таким приятным образом я убил еще полчаса. Леди Меламори, ради которой я, собственно, и тянул резину, так и не появилась. В конце концов я все-таки сел за рычаг амобилера и поехал в Холоми, сдаваться.

– Вижу вас, как наяву! – старый комендант Холоми почтительно прикрыл глаза, исполняя ритуал первого знакомства. – Счастлив сообщить свое имя: сэр Марунарх Антароп.

Я представился, и меня повели завтракать.

– Вы такой худенький, сэр Макс! В Тайном Сыске очень тяжелая работа, уж я-то знаю! Вам надо много кушать! – приговаривал сэр Марунарх, снова и снова наполняя мою тарелку. – Ничего, у нас вы поправитесь, это я обещаю!

Роскошный завтрак подозрительно смахивал на званный обед. Комендант возился со мною, как заботливый дед. Я-то ехал в тюрьму, а угодил в санаторий. И так, оказывается, бывает.

– Все, я уже поправился. Килограммов на десять, – вздохнул я час спустя. – Спасибо, сэр Марунарх. Мне бы теперь в камере посидеть... Я же, собственно, затем и приехал.

– Я так сожалею, сэр Макс! Боюсь, что у нас вам будет неудобно... Но сэр Халли просил, чтобы я поселил вас не в апартаментах для гостей, а в тюремной камере. Как вы думаете, он не шутил?

– С него бы, пожалуй, случилось! – усмехнулся я. – Да нет, сэр Марунарх, я действительно должен там находиться. В ваших-то апартаментах, хвала Магистрам, никто пока не умирал?

– Я понимаю! – вздохнул старик. – Хорошо, идемте. Кстати, сэр Макс, вы знаете, что, пребывая в камере, вы не сможете пользоваться Безмолвной речью? Тут я ничего не

могу исправить: тюрьма устроена таким образом. Вы же знаете, Холоми – волшебное место, не нам, служащим, решать, что здесь возможно, а что – нет.

– Да, мне говорили.

– Поэтому если вам понадобится связаться с сэром Халли или еще с кем-нибудь, скажите охранникам, что хотите отправиться на прогулку, и вас приведут ко мне, в любое время суток. Здесь вы можете делать все, что душе угодно. Мои служащие предупреждены на ваш счет, разумеется...

– Отлично, – кивнул я. – А теперь арестуйте меня, пожалуйста!

Камера N 5-х-ау показалась мне весьма уютным помещением. Между прочим, на моей исторической родине за такую квартиру пришлось бы выложить пару чемоданов зеленых. А вот уроженцу Ехо, наверное, нелегко было бы смириться с подобной теснотой: всего лишь три "небольших" (по местным меркам крошечных, на мой взгляд огромных!) комнаты, все на одном этаже. И еще ванная комната с туалетом этажом ниже, как и положено. Кстати, в ванной было три бассейна для омовения, как и у меня дома. Я начал понимать, почему мой квартирный хозяин так долго не мог сдать свою собственность в аренду. "Вернусь домой, придется установить четвертый бассейн, – решил я. – Нельзя жить как в тюрьме!"

Но, хвала Магистрам, я еще не успел окончательно усвоить столичные привычки, поэтому скромная тюремная камера казалась мне роскошным жилищем. Полчаса спустя я понял, что уже привык здесь находиться.

Я вообще быстро ко всему привыкаю. Стоит с утра перевезти вещи в новый дом, и к вечеру я чувствую себя так, словно жил там с детства. Мне пришло в голову, что через пару дней я, чего доброго, так освоюсь в Холоми, что даже вспомню, за что меня посадили. А потом расскаюсь и твердо решу исправиться!

Итак, я сидел в своей камере и созерцал потолок. Великолепный Лонли-Локли жил какой-то неопишуемой жизнью между большим и указательным пальцами моей левой руки. Мне было ужасно интересно, что он при этом чувствует? На всякий случай парень взял с собой свой "рабочий дневник". Сможет ли он скоротать досуг с помощью этой тетрадки, оставалось полной загадкой для нас обоих.

Наконец, я решил, что пора спать. Надо бы отдохнуть, поскольку самое интересное, как я полагал, должно было начаться ночью – если оно вообще хоть когда-нибудь начнется, это самое «интересное».

Я по-прежнему боялся, что ничего так и не случится. Интересно, сколько времени мне придется провести в Холоми, чтобы окончательно понять, что семь смертей за три года – прискорбная и идиотская, но все же случайность? Год? Два? Больше?.. Ну ничего, поработают господа Тайные сыщики без нас дюжину дней, сами взвоют! Сэр Джуффин, небось, будет первым, кто решит, что наша с Лонли-Локли командировка чересчур затянулась.

Спал я тем не менее превосходно. А когда проснулся, было уже темно. Мне принесли арестантский ужин, подозрительно смахивавший на давешний торжественный завтрак. И чего это мы с Джуффином все время ходим обедать в "Обжору Бунбу"? Там, конечно, здорово, но тюремная кухня, пожалуй, более изысканна. Надо бы завести традицию кутить в Холоми, благо служебное положение позволяет! Или проводить здесь Дни Свободы от забот: тихо, уютно, никто не мешает...

Приближалась ночь. Чтобы не терять зря драгоценное время, я попробовал сделать что-нибудь, что действительно умел делать хорошо: побеседовать с окружающими меня предметами обстановки, увидеть ту часть прошлого, которую они "запомнили".

Оказалось, что дело – дрянь. Все тюремное барахло отвечало на мой вопрошающий зов только волнами сильного страха. Это мы уже видели! В спальне старого Маклука, где точно так же лучилась ужасом маленькая коробочка с бальзамом для умывания. Можно было не сомневаться: никакими дурацкими совпадениями здесь не пахло, я влип в серьезную историю!

Потом явился охранник, пригласил меня якобы на "вечернюю прогулку" и конвоировал на деловое свидание. Один из тюремщиков по имени Ханед Джанира, оказывается, чуть ли не с утра рвался со мною пообщаться, но добряк комендант, оберегая мой покой, велел ему ждать, пока я проснусь.

Господин Джанира носит звание Мастера Утешителя Страждущих. На самом деле, он, как я понял, – что-то вроде тюремного психотерапевта. Регулярно навешает заключенных, спрашивает, как они спали, о чем тревожатся, что хотят передать домой... В Ехо к заключенным относятся чрезвычайно гуманно. Считается, что если уж человек попал в Холоми, он и так влип дальше некуда, а потому подвергать узников каким-то дополнительным неудобствам – бессмысленно и жестоко. В общем, здесь всячески пекутся о душевном комфорте государственных преступников, и это, конечно, правильно...

– Я подумал, сэр Макс, что вам будет интересна информация, которой я владею, – сказал Ханед Джанира после взаимных приветствий.

Он оказался совсем юным пареньком, круглолицым, с тихим мелодичным голосом и на удивление пронизательным взглядом узких зеленых глаз.

– В последнее время у нас тут происходят странные вещи, – сообщил он. – Полагаю, именно из-за них вы сюда и прибыли. И мне показалось, что перед началом расследования вам необходимо меня выслушать. Весь день я ждал, что вы меня вызовете, но так и не дождался. И вот, рискуя показаться назойливым, решил проявить инициативу...

– Я слишком много съел за завтраком, сэр Джанира! Так много, что перестал соображать, – повинулся я. – На самом-то деле мне бы полагалось обратиться к вам, как только я переступил порог... Но я всю ночь не спал и вот сразу после завтрака свалился. Простите. Спасибо, что сами пригласили меня к разговору.

По выражению лица Ханеда Джаниры я понял, что этот парень теперь готов за меня умереть. Уж не знаю, что его так подкупило: почтительное обращение "сэр", юному "психотерапевту" по рангу не положенное, или легкость, с которой я признаю свои ошибки. Так или иначе, но тропинку к его сердцу я протоптал без особых усилий.

– Ну что вы, сэр Макс! Вы имели полное право отдохнуть прежде, чем приступить к делам. Я лишь хотел объяснить вам причины собственной назойливости: мне кажется, я могу быть вам полезен. Возможно, моя информация окажется бесполезной, но... Впрочем, слушайте сами. Два дня назад узники из камер 5-сое-ра, 5-тот-хун и 5-ша-пуй, расположенных в непосредственной близости к заинтересовавшей вас камере 5-хох-ау, пожаловались мне на плохой сон. При этом содержание их кошмаров примерно совпадает.

– Могу только посочувствовать беднякам! И что же им приснилось?

– Всем троим приснился какой-то "маленький полупрозрачный человек", по их собственному выражению. Он вышел из стены; при этом узники испытали неопишуемый, как им кажется, ужас. Далее версии немного расходятся: Малеш Пату утверждает, что ему хотят выдавить глаза, а сэр Алараек Васс жаловался, что его "трогали за сердце". Третий же случай довольно забавный, – Джанира потупился. – Заключенный клянется, что ему пытались заклеить задний проход. Больше всего на свете он боится, что в следующем сне эта затея увенчается успехом. Бедняга!

– Да уж, ему не позавидуешь.

Я подумал, что кошмары узников – причудливая смесь реальной опасности и индивидуальных фобий. Что-то нехорошее этот прозрачный мужик наверняка с ними продельвал. А вот интерпретация событий была личным делом каждого. Это понятно. Непонятно другое: откуда вообще взялось это существо, испоганившее их сны? Вроде бы в Холоми невозможно колдовать, именно поэтому крепость и стала тюрьмой для любителей запретной магии.

– А как обстоят дела с их здоровьем на самом деле? – спросил я. – Вы показывали ребят знахарю?

– Да, конечно. Подобные жалобы нельзя оставлять без внимания. Тем более, что неприятности начались у троих заключенных одновременно. Эти господа не были знакомы друг с другом прежде, а здесь, в Холоми, как вы понимаете, они не смогли бы сговориться... Да и зачем? – Утешитель Страждущих пожал плечами. – Оказалось, что здоровьем они действительно не могут похвастаться, все трое. Хотя те органы, на которые якобы покушался приснившийся им "прозрачный человек", в полном порядке.

Я с удовольствием отметил, что версия насчет влияния личных фобий на интерпретацию кошмаров не так уж плоха для дилетанта, коим я, безусловно, являюсь.

– А что же у них не так?

– Все трое постепенно утрачивают Искру, – зловещим шепотом поведал Джанира. И многозначительно умолк, давая мне возможность оценить его сообщение.

Я присвистнул. "Утратить Искру" – значит внезапно потерять жизненную силу, ослабеть настолько, что смерть приходит, как сон после тяжелого дня, сопротивляться ей невозможно, да и не хочется... По мнению моих компетентных коллег, эта загадочная болезнь – самая большая неприятность, в которую может попасть человек, родившийся в этом Мире.

– Странно, что несчастные слабеют довольно медленно, тогда как обычно человек утрачивает Искру внезапно, без каких-либо тревожных симптомов, – заметил мой собеседник. – Несмотря на это, наши знахари абсолютно уверены в диагнозе. Они говорят, что моих подопечных еще можно спасти, но лекарства пока не помогают...

– А вы попробуйте вот что. Переведите бедняг в другие помещения, чем дальше от камеры 5-хох-ау, тем лучше. А их камеры пусть побудут пустыми, пока я не разберусь с причиной всех ваших бед. Это возможно, надеюсь?

– Да, конечно, – кивнул Утешитель Страждущих. И робко спросил: – А вы уверены, что поможет?

– Почти уверен. Но это нормально: я никогда ни в чем не уверен до конца... В любом случае, попробуйте. И сделайте это прямо сейчас. Возможно, мы с вами спасем несчастных. Не знаю, что они там натворили перед тем, как угодить в Холоми, но ни один человек не заслуживает такого страшного наказания, как кошмарные сны. Говорю вам, как крупный специалист в этом вопросе!

– Вы имеете в виду, что умеете бороться с ночными кошмарами, сэр Макс?

– Ага! – ухмыльнулся я. – По крайней мере, со своими собственными...

Распрошавшись с господином Джанирой, я отправился обратно в камеру. Ворчал про себя: «Везет мне на страшные сны, как я погляжу!»

И правда: не успел я прийти в себя после кошмаров, навеянных фэтаном из соседнего дома, как тут же угодил в Холоми, где заключенных мучают страшные сны. О заклеенной заднице, например... Впрочем, сам-то я сегодня днем спал великолепно. Может быть, потому, что именно днем?

Тяжелая дверь камеры закрылась за мной и... исчезла. Здесь, в Холоми, всякая дверь существует только для того, кто находится в коридоре. С точки зрения заключенного ее как бы и вовсе нет. Чудеса!

Теперь я сгорал от нетерпения: появится ли сегодня ночью «прозрачный человек, и что он будет делать, если я не засну? А я был совершенно уверен, что не засну. Слишком уж хорошо успел отдохнуть днем. И что прикажете делать?

Я стал ждать развития событий. Те же, в свою очередь, не слишком спешили развиваться. Ночь не принесла ни одного ответа на мои вопросы, зато была щедрой на странные ощущения.

Я не испытывал ни страха, ни тревоги, зато постоянно чувствовал на себе чужой изучающий взгляд, настолько тяжелый, что мне было шекотно. Шекотка раздражала, как заползшая под одежду гусеница. Я уж и ворочался, и чесался, и ванную бегал принимать раза три – бесполезно!

На рассвете все прекратилось, и я завалился спать. Вообще-то, ночью меня осенила некая разумная идея, но ее осуществление вполне могло подождать до обеда. Откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня – мое хобби. С утра до ночи откладывал бы, не шадя живота.

Проснулся я от грохота дверей. Мне принесли еду. Попробовав сырный суп, я начал всерьез обдумывать, какое бы государственное преступление совершить. Отсидеть лет двадцать в таких условиях – ни одна Королевская награда не может сравниться с подобным "наказанием"!

Покончив с супом, я попросился "на прогулку" – в кабинет господина коменданта. Пришло время пообщаться с Джуфффином. Ночью я наконец понял, что известная мне часть истории камеры № 5-хox-ay ограничивается датой первой из семи смертей. С тех пор прошло всего три года. А что происходило здесь раньше? Кто сидел в камере прежде? Вот это я и собирался выяснить. В Ехо с такими вещами надо быть начеку. Что бы ни случилось, рано или поздно непременно выяснится, что пару тысяч лет назад здесь побывал очередной Великий Магистр. И нынешние неприятности – закономерное следствие его былых подвигов. Я решил, что совсем не удивлюсь, если обнаружится какой-нибудь проворовавший Магистр, побывавший в камере № 5-хox-ay.

Я не сомневался, что сэр Джуфффин знает летопись событий в этом милом местечке. Но отправляя меня в Холоми, он молчал, как рыба – не то из вредности, не то просто ждал, когда я сам додумаюсь задать соответствующий вопрос. В воспитательных целях, конечно, дюжину вурдалаков ему под одеяло!

Ну, положим, я и сам хорош! Вместо того, чтобы педантично собирать информацию, потратил кучу времени и сил на лирические переживания. "Так мне и надо!" – заключил я, устраиваясь поудобнее в комендантском кресле. И, покончив с самобичеванием, послал зов Джуфффину.

"А теперь рассказывайте, с чего все началось! – потребовал я. – Что здесь творилось до 114 дня 112 года? В этой камере сидел какой-нибудь ваш мятежный Великий Магистр, я угадал?"

"Какой ты молодец, Макс!" – Джуфффин был в восторге от моей сообразительности.

"Не понимаю, за что вы меня хвалите? – проворчал я. – Ну да, вопрос, с которого надо было начинать, я задал сегодня, а не два года спустя. Наверное, для такого идиота, как я, это действительно достижение..."

"У меня есть немало знакомых, которым ни двух, ни двухсот лет не хватило бы... Ты злишься на меня, а еще больше на себя самого, но ты действительно молодец."

"Я вас не узнаю, Джуфффин! Такие комплименты! Соскучились вы, что ли?"

Я-то, конечно, уже растаял. Какое там, я был счастлив, как свинья, дорвавшись до хорошей лужи. Хвалить меня – очень правильная стратегия. Из добросовестно похваленного меня можно свить не одну сотню метров хороших, качественных веревок. Вещь, как известно, в хозяйстве необходимая.

Как бы то ни было, я получил исчерпывающий ответ на свой вопрос и через полчаса снова был дома. То есть, в камере 5-хox-ау.

Сидел, развалившись в мягком арестантском кресле. Переваривал полученную информацию. Разумеется, без очередного безумного Магистра здесь не обошлось, это я как в воду глядел! Махлилгл Аннох, Великий Магистр Ордена Могильной Собаки и один из самых яростных противников перемен, угодил в Холоми в разгар Смутных Времен. По словам Джуффина, понадобились совместные усилия дюжины лучших практиков из Ордена Семилистника, чтобы лишить свободы эту во всех отношениях замечательную личность: в то время его побаивались даже Великие Магистры других Орденов, которые, по большому счету, уже давно утратили способность испытывать страх.

Впрочем, не такой уж он был безумец, этот повелитель Ордена Могильной Собаки! Конечно, он шел очень странным путем. Но если верить историческим хроникам, кои я пудами поглощал на досуге, мало кто из Древних Магистров мог похвастаться банальностью избранного пути.

Итак, господина Анноха чрезвычайно занимала проблема жизни после смерти. Не только там, где я родился, но и здесь, в Мире, никто толком не знает ответа на вопрос: а что, собственно, будет с нами, когда мы умрем? Есть лишь невообразимое множество гипотез, туманных, ужасающих и соблазнительных, но ни одна из них не имеет большой ценности для того, кто не обучен принимать чужие слова на веру.

Разумеется, интерес узника камеры 5-хox-ау к бессмертию не был сугубо теоретическим. Тутощние Магистры, надо понимать, ребята серьезные и время свое зря не тратят.

Насколько я понял, сэр Аннох прилагал невероятные усилия, чтобы и после смерти продолжить привычное земное существование в милом его сердцу человеческом теле. Проще говоря, он желал воскреснуть. Я не сомневался, что дядя изобрел некий хитроумный способ вернуться в мир живых. А потом умер. В этой самой камере за номером 5-хox-ау.

Победители вовсе не собирались убивать его. Насколько мне известно, они вообще весьма неохотно убивали своих врагов, полагая, всякая смерть – событие необратимое. А Орден Семилистника руководствуется теорией, согласно которой необратимых событий должно происходить как можно меньше. Так надо, чтобы Мир стоял крепче – что-то в этом роде... У меня пока не было времени как следует разобраться в хитросплетениях местной эсхатологии.

Тем не менее Великий Магистр Махлилгл Аннох умер. Это не было самоубийством в привычном смысле слова. Думаю, его смерть была чем-то вроде "лабораторной работы", необходимой для его изысканий.

Тот факт, что стены Холоми – самая непроницаемая преграда для магии любой ступени, не внушал мне оптимизма. Напротив, вынуждал предположить, что посмертное существование сэра Анноха ограничено стенами его камеры. Очевидно, сожительство с покойником не слишком благоприятно сказывалось на здоровье соседей мертвого Магистра. Получается, что заключение в этой камере становилось особой разновидностью смертной казни. Я решил, что это нехорошо. Несправедливо. Заключение в этом смысле куда более беззащитен, чем обычный горожанин. Он ведь не может по собственной воле сменить место жительства, даже если чувствует, что

это нужно сделать немедленно. Не хотел бы я оказаться на их месте... Впрочем, уже оказался.

Ночь я скоротал за чтением очередного тома Энциклопедии Манги Мелифаро, каковая, по счастью, имелась в тюремной библиотеке. Ничего сверхъестественного не произошло, разве что меня снова шекотали чьи-то внимательные глаза. Они были еще более назойливыми, чем вчера. Несколько раз я слышал тихое сухое покашливание, больше похожее на слуховую галлюцинацию, чем на настоящий звук.

Под утро появилось новое странное ощущение: собственное тело казалось мне твердым, как скорлупа ореха. Настолько твердым, что даже привычную уже шекотку я воспринимал не как прикосновение к коже, а как едва заметное сотрясение окружавшего меня воздуха. Это было не слишком приятно, но я чувствовал, что невидимое существо, следившее за мною всю ночь, довольно еще меньше. Его недовольство отчасти передалось мне – еще немного, и я начал бы укорять себя за то, что не даю обладателю тяжелого взгляда шекотать меня, сколько душе угодно. Экая, дескать, душевная черствость и неуважение к чужим желаниям!

Никакой оригинальности в моих попытках объяснить происходящее не обнаруживалось. "Может быть, это просто мнительность? – раздумывал я. – А возможно, Джуффин наложил на меня некое оберегающее заклятие, а я и не заметил? С него бы стало! А вдруг положение спасает тот факт, что я – существо из другого Мира, какой никакой, а инопланетянин?"

В общем, я так устал от всего этого, что отправился спать, едва дождавшись наступления утра. "Интересно, как течет время для бедняги Лонли-Локли? – подумал я, засыпая. – Скучно ему там, небось. И жрать, наверное, хочется. Во влип мужик!"

Зато мне скучать больше не давали. Не дали мне даже выспаться. Был полдень, когда меня разбудило знакомое ощущение шекотки. Я был потрясен. Неужели это существо, чем бы оно ни было, способно действовать и днем? Хотя – почему, собственно, нет? Все самое страшное, чему я был свидетелем за время своей жизни в Ехо, случилось именно днем. Возможно, уверенность, что кошмары подстерегают нас только по ночам – глупейшее из человеческих суеверий, родившееся в ту далекую эпоху, когда наши предки окончательно утратили способность ориентироваться в темноте.

Умывшись и выпив кувшин камры, я снова принялся рассуждать. Мои предшественники умирали только по ночам. Совпадение? Или причина еще проще: они умирали по ночам, потому что спали по ночам, как все нормальные люди. А из-за меня местной нечисти приходится менять установившийся режим работы... Ох, я ничего не знал наверняка!

Но больше всего меня сбивала с толку собственная невозмутимость: я почему-то по-прежнему ничего не боялся. Ни того, что уже происходило, ни того, что, теоретически говоря, могло бы случиться. Откуда-то у меня появилась дурацкая уверенность, что ничего плохого со мной не произойдет. Ни здесь, ни в любом другом месте. Вообще никогда! Героизм, граничащий с маразмом. Еще совсем недавно я ничем подобным не страдал... Может быть, секрет храбрости – мой "магический кукиш", надежно припрятанный сэром Лонли-Локли? А может быть, тому, кто мной интересовался, было выгодно иметь дело с недалёковидным храбрецом? И он незаметно поднимает мне настроение?

Как бы там ни было, больше в тот день я не заснул. До сумерек наливался камрой и читал возлюбленную свою Энциклопедию, умнея с каждой строчкой.

Уже потом я понял, что события развивались в полном согласии с традициями волшебных сказок. В первую и вторую ночь меня лишь слегка дразнили. А настоящие ужасы, как и положено, откладывались на "роковую" третью ночь.

Начать с того, что с наступлением сумерек на меня навалилась тяжелая сонная одурь. Это было более чем странно, поскольку на закате я обычно испытываю прилив бодрости – вне зависимости от того, как прошел день. Но сейчас приходилось бороться с сонливостью – без особого успеха.

Я попробовал испугаться, посулив себе красочный набор кошмаров, которые, несомненно, подстерегали меня по ту сторону закрытых век. Бесплезно! Не помогала даже мысль о грандиозном позоре, который ожидает меня в случае провала. Колкости Мелифаро, снисходительные утешения Джуффина и, как апофеоз, презрительно поджатые губки леди Меламори. Не помогло даже это. Блаженная дрема наваливалась на меня, как мягкая подушка, ставшая орудием ласкового душителя. Еще немного, и я бы заснул.

Положение спасла бутылочка с бальзамом Кахара. Счастье, что я догадался взять ее с собой. Выпить пришлось немало. Но я не жалею: бальзам Кахара – не только мощное тонизирующее средство, но и обалденно вкусная штука.

Позже Джуффин объяснил, что, выпив бальзама, я спровоцировал того, кто за мной охотился, на поспешные действия. Дескать, он решил, что если уж я применяю для самозащиты магию всего-то восьмой ступени, меня не стоит считать серьезным противником. Моя кажущаяся беспомощность вынудила таинственное существо принять самое опрометчивое решение за всю свою странную жизнь.

Я не стал спорить с Джуффином. И все-таки мне кажется, что этот зловещий парень, изрядно обалдевший от одиночества своего призрачного существования, просто не смог больше ждать. Какая уж тут логика? Мертвый Магистр хотел взять мою жизнь. Был вынужден попытаться это сделать. Чем раньше, тем лучше. Вероятно, моя "Искра", или как это там называется, была той самой порцией, которой ему недоставало. Он так долго шел к цели! Капля по капле впитывал силу всех, кто попадал в эту камеру. И однажды сэр Махлилгл Аннох оказался настолько силен, что смог забрать первую чужую жизнь, необходимую для того, чтобы вернуть свою собственную, отчасти утраченную. Потом он смог взять еще одну жизнь, и еще...

Последняя порция сделала призрак Великого Магистра настолько могущественным, что он смог проникать даже в сны обитателей соседних камер, надежно защищенных непроницаемыми (для магии живых, но не для него, мертвого) стенами. Он хотел одного: забрать столько чужих жизней, сколько понадобится, чтобы воскреснуть по-настоящему. И уже стоял на пороге успешного завершения своего эксперимента длиною в целую жизнь... и в целую смерть, в придачу. Оставалось взять всего один глоток таинственного напитка, именуемого здесь "Искрой". И этот соблазнительный "глоток" третью ночь кряду сидел перед жаждущим и не желал засыпать. Конечно, дядя решил сыграть ва-банк. Я сам на его месте вряд ли поступил бы иначе!

Кроме того, что бы там ни говорил сэр Джуффин Халли, но мой противник был очень близок к успеху. Гораздо ближе, чем я решаюсь себе представить!

Когда в дальнем углу моей тюремной спальни замаячил смутный силуэт незнакомца, я просто оцепенел от ужаса. Разумеется, в моем распоряжении было достаточно информации, чтобы заранее подготовиться к такому повороту событий. Но подготовился я неважно. Совсем хреново подготовился, откровенно говоря.

Словом, я очень испугался и никак не мог взять себя в руки. Хотя сам по себе незнакомец выглядел скорее забавно, чем ужасающе. Призрак Великого Магистра оказался очень маленького роста. Причиной тому было его непропорциональное сложение: крупная голова, мощный мускулистый торс и очень короткие ноги с

маленькими, как у ребенка, ступнями. Комическая, в сущности, фигура. Зато загорелое, морщинистое лицо незнакомца производило совсем иное впечатление. Огромные синие глаза, высокий лоб, изумительной лепки нос с тонкими, чуткими ноздрями хищника. Длинные волосы и такая же длинная борода заплетены в многочисленные косы – вероятно, в соответствии с какой-нибудь древней модой. "Что ж, трудно следить за модой, сидя в тюрьме. Особенно, если ты – призрак", – подумал я. Рассуждение было очень даже в моем духе и доказывало, что все не так плохо.

Но кое-как справившись со страхом, я понял, что случилось кое-что похуже. Мною овладело оцепенение. Я не мог пошевелиться. Стоял, тупо разглядывая пришельца – только и счастья, что на пол ничком не валился. "Действуй, скотина! – заорал маленький умный паренек, обитающий внутри меня, но, к сожалению, не пользующийся пока особым влиянием среди прочих составляющих моей личности. – Действуй! Все уже началось! Все происходит на самом деле! Шевелись!"

Но все было бесполезно.

Я прекрасно понимал, что от меня требуется. Всего-то – встряхнуть рукой и выпустить Лонли-Локли. Но не мог произвести даже это элементарное действие, необходимое для того, чтобы показать ночному гостю "смертельный кукиш". От меня, кажется, уже ничего не зависело. Я понял, что пропал.

– Твое имя Персет, ты – кусочек жизни. Я искал тебя, – прошептал призрак. – Я шел к тебе по дороге; с одной стороны была тюрьма, с другой – кладбище. И только ветер гудел: "У-у-у"! Но я пришел.

Пришел он, видите ли... Мог бы и помолчать, тоже мне непризнанный поэт-символист! Я подумал, что сдаваться человеку, который при первой же встрече начинает грузить собеседника столь громоздкими речевыми конструкциями, было бы просто нелепо... И решил, что не сдамся. Между прочим, я писал монологи получше, когда мне было всего восемнадцать! Уж не знаю как, но я его одолею!

И тут со мною начали твориться совсем уж странные вещи. Я ощутил, что снова начинаю "твердеть". Мне показалось, что я превратился в маленькое, очень твердое зеленое яблочко – из тех, что могут грызть только семилетние мальчишки, которые, как известно, грызут все, что попадает к ним в рот.

Потом меня посетила и вовсе безумная мысль: я решил, что такой взрослый мужчина, как мой противник, ни за что не станет грызть маленькое твердое кислое яблочко, каковым я теперь являюсь. Это бредовое утверждение казалось мне тогда совершенно очевидным фактом, а потому не требовало доказательств и... окончательно вернуло мне уверенность в собственных силах. Честное слово, я напрочь забыл о своей человеческой природе и о свалившихся на меня человеческих же проблемах. Мы, кислые зеленые яблоки, живем своей непостижимой беззаботной жизнью...

Мой гость действительно скривился. У него было лицо человека, уже сутки разгуливающего с полным ртом уксуса и неспелой хурмы. Дядя изрядно растерялся, и вот в этот-то момент маленькое твердое зеленое яблочко снова стало человеком. А человек обрел способность действовать. Встряхнул кистью левой руки, сделал единственное неуловимое движение – этого хватило. В центре тюремной спальни появился сэр Лонли-Локли.

– Ты привел Доперста! – почему-то возмутился Махлигл Аннох. Можно подумать, что до начала встречи мы с ним оговорили правила боя, а теперь я нарушил гипотетический договор.

– Ты не Персет! – обиженно добавил призрак. Очевидно, все еще надеялся, что я устыжусь и уберу сэра Шурфа в платяной шкаф. Думаю, что сэр Аннох изрядно расслабился за последние годы, общаясь исключительно с беззащитными перепуганными узниками.

– Сам ты не Персет! – огрызнулся я.

Растерянность призрака была нам на руку: сэру Шурфу требовалось время, чтобы снять испещренные рунами защитные рукавицы. Ну вот, пока мы с мертвым Магистром препирались, Лонли-Локли успел произвести необходимые приготовления. Сияние его смертоносных рук озарило стены камеры, и жизнь тут же показалась мне чертовски простой и приятной штукой. Доброй сказкой с великим множеством хороших концов – выбирай любой, не пожалеешь.

Я и не подозревал тогда, что мои шансы остаться в живых все еще стремятся к нулю.

Виноват, разумеется, был я сам. Поскольку мне никогда прежде не приходилось иметь дело с отставными Великими Магистрами, я легкомысленно решил, что убить его мы всегда успеем. Мое тщеславие требовало доставить это недоразумение природы в Дом у Моста и купеческим жестом швырнуть к ногам Джуффина. Каким образом я намеревался брать в плен призрака – сам не понимаю. Впрочем, я получил скверное образование: основ метафизики не преподавали ни в средней школе, которую я с грехом пополам закончил, ни в университете, откуда меня, впрочем, спешно выперли. Дурацкой идеей я тут же поделился с коллегой, а сэру Шурфу – самое дисциплинированное существо во Вселенной. Согласно его представлениям, я был руководителем операции, следовательно, мои приказы нужно выполнять, не рассуждая. Даже самые нелепые.

Правая, парализующая рука Лонли-Локли не произвела требуемого эффекта. Вместо того, чтобы мирно оцепенеть, призрак начал угрожающе увеличиваться в размерах. В то же время он становился все более прозрачным. Это происходило так быстро, что через какую-то долю секунды его туманная голова уже маячила где-то под потолком.

– Глупый Дперст! – воскликнул Махлиг Аннох. – Он не может убивать! Уходи, Дперст!

И больше не обращая на Лонли-Локли никакого внимания, туман, почти утративший человеческую форму, потянулся ко мне. Он успел дотронуться до меня. Холодный влажный дряблый кисель – вот что это было! Его прикосновение отдалось горьким привкусом во рту и такой ледяной болью во всем теле, что я до сих пор не понимаю, как остался жив. И даже не потерял сознание. Вместо этого я истошно заорал:

– Мочи его! Мочи!

Грешные Магистры! Где была моя голова?!

Словно откуда-то издали я увидел, как Лонли-Локли соединил свои удивительные руки, скрестил указательные пальцы. Никаких событий за этим многообещающим жестом, однако, не последовало. Минула еще одна томительная секунда. Я ничего не понимал. Почему Шурф его не убивает?! Человекоподобный кисель тем временем угрожающе сгущался вокруг меня.

И тут произошло очередное невероятное событие, ставшее своего рода изюминкой этой феерической ночи. Сияющие кисти Лонли-Локли прочертили в темноте какую-то изумительную кривую. И на нас обрушился водопад. Целые тонны холодной воды поглотили призрачный силуэт. Я по-прежнему не понимал, что происходит, но с удовольствием подставил лицо под освежающие струи. Умывание было как нельзя более кстати.

Но наш противник оказался на редкость живучим существом. Конечно, вода не могла серьезно ему повредить, хотя и послужила причиной очередной метаморфозы. После купания призрак стал стремительно уменьшаться. Только что он был огромным и прозрачным, а спустя мгновение стал маленьким и плотным.

Мои познания в астрономии катастрофически поверхностны, я даже не знаю точно, как называются сверхплотные небесные тела. То что они – "карлики", – это точно. Но вот "белые" или "черные"? Не помню! По крайней мере, наш "карлик" был белым.

Крошечная человеческая фигурка, сияющая такой же пронзительной белизной, как устремившиеся к ней руки Лонли-Локли. Несмотря на миниатюрные размеры, выглядел он весьма угрожающе.

– Вы ошиблись, сэр Макс, – невозмутимо заметил мой великолепный напарник. – Вода ему не вредит.

– Я ошибся?! С чего вы вообще взяли, что нужна вода?

– Но вы же сами велели его намочить!

– Грешные Магистры! Шурф! "Мочи" – значит "убей"! И чем скорее, тем...

Я осекся. Мне внезапно стало не до разговоров. Маленькое существо мерцало в воздухе, совсем близко от моего лица. Что-то оно бормотало. «Заклятие накладывает, сволочь», – равнодушно подумал я. Сопротивляться не было сил.

...Белый солнечный свет ослепил меня. Я стоял под раскидистым деревом, и неряшливо одетая белокурая девочка, такая же коротконогая, как сэр Махлигл Аннох, протягивала мне абрикос. "Прими угошение феи, Персет!" Сам не знаю почему, но я взял и надкусил его. Плод был червивым. Маленькая бледная гусеница проскользнула в мой распахнутый настезь рот, нырнула в уязвимую глубину горла. Я почувствовал ее острые челюсти на нежной слизистой оболочке. Яд разлился по телу, переполняя меня тошнотворной слабостью. Мне, наверное, следовало умереть от боли и отвращения, но слепая ненависть переполнила меня, и я закричал. Я кричал так, что из меня подул ветер, с дерева начали падать листья, и белокурая девочка с искаженным от ужаса лицом ползла по выгоревшей траве, шипя, как гадюка... Я выплюнул наконец ядовитую гусеницу под ноги Лонли-Локли, которого не было в том саду, и тогда жуткий солнечный свет стал гаснуть...

Что меня по-настоящему восхищает в нашем Мастере Пресекающем ненужные жизни – это его невозмутимость. Ничем его не проймешь! Пока я блуждал по солнечным полянам кошмара, парень делал дело. Он наконец-то пустил в ход свою смертоносную левую руку – с чего, собственно, и следовало начинать. В таких случаях обходится без технических накладок. Человек ты там, или призрак, или еще Магистры знают кто, но смерть будет легка и неотвратима...

А потом этот изумительный парень натянул защитные рукавицы и с ловкостью профессиональной медсестры влил мне в рот остатки бальзама Кахара.

– Это очень полезно в подобных случаях, сэр Макс, поэтому выпейте! Я сожалею, что неверно понял ваш приказ. Но у нас в Echo "мочить" – значит "делать мокрым". Поэтому я был уверен, что вы имеете в виду какой-то новый способ уничтожения водой. Мне стоило больших усилий намочить противника: здесь, в Холоми, даже мне нелегко творить чудеса. Хотя сэр Джуффин, разумеется, проводил со мной специальный курс обучения...

От бальзама Кахара я не только очухался, но и развеселился – явный признак передозировки!

– Способ уничтожения водой, грешные Магистры! Ох, как же так можно! Почему именно водой? Надо было на него помочиться! Это непременно убило бы его, я уверен! Локи, вы никогда не пробовали мочиться на привидения?...

– Сэр Макс, – с упреком сказал мой спаситель. – Моя фамилия не «Локи», а Лонли-Локли. Прежде вам всегда удавалось произносить ее без ошибок. Мне бы хотелось надеяться, что это умение вернется к вам в ближайшее время.

Бедняга, очевидно, решил, что я такая же беспросветная сволочь, как Мелифаро. Следовало немедленно спасти положение.

– Это была не случайная ошибка, сэра Шурф. Просто я вспомнил одного грозного бога, чье имя созвучно с вашей фамилией. Не обижайтесь, дружище.

– Никогда не слышал о боге по имени Локи, – удивленно признался он. – Ему поклоняются ваши соплеменники?

– По крайней мере, некоторые, – я и бровью не повел. – У нас в Пустых Землях, знаете ли, многобожие. Всяк верит во что горазд, каждый второй кочевник – сам себе великий жрец, а некоторые ребята вроде меня и вовсе ни во что не верят, зато интересуются всем понемножку...

– Это ведь не тайное знание? – с надеждой спросил Лонли-Локли. – И вы можете мне поведать...

– Могу, – обреченно кивнул я. – Вам – все, что угодно.

Следующие полтора часа я потратил на то, чтобы за холодными остатками отличной тюремной камры подробно изложить сэру Лонли-Локли скандинавскую мифологию, выдавая ее за легенды Пустых Земель.

Надо отдать должное сэру Шурфу: скандинавский эпос ему очень понравился! Особенно Один, предводитель богов и мертвых героев, принесший в мир мед поэзии. К поэзии Мастер Пресекающий ненужные жизни относился с чрезвычайным уважением, чтобы не сказать – с трепетом.

Вдохновленный не то внезапным совпадением наших литературных пристрастий, не то чрезмерной дозой бальзама Кахара, я хлопнул по спине своего грозного коллегу. Не подумал, что в Соединенном Королевстве такой жест допустим лишь между ближайшими друзьями. На мое счастье, сэра Шурф не возражал против официального установления дружеской близости. Более того, он выглядел весьма польщенным.

Только потом я понял, что абсолютно не представляю, какие обязательства накладывает на меня звание близкого друга сэра Лонли-Локли. Наверняка здесь, в Эхо, существует огромное количество соответствующих диковинных обрядов. Решил, что придется идти на поклон к Джуффину: пусть научит меня, как здесь дружат. А я запишу в тетрадку и стану сверять по ней каждый свой жест. Лишь бы только в ближайшие полчаса человека не обидеть: с меня станется.

Наконец, мы покончили с литературным диспутом и дали о себе знать. Нас тут же выпустили из камеры и отвели в кабинет коменданта. Накормили отличным завтраком, напоили горячей свежей камрой. Это было прекрасно. Окончательно придя в себя, я поспешил удовлетворить мучившее меня любопытство.

– Скажите, Шурф, а как текло время, пока вы были маленьким... То есть я, конечно, не о детстве вас спрашиваю. Я имею в виду то время, когда вы были скрыты от посторонних взглядов в моем кулаке.

– Время? – Лонли-Локли пожал плечами. – Время, сэра Макс, текло как всегда. За эти несколько часов я даже успел проголодаться...

– Что?! Несколько часов?

– Вы хотите сказать, что я ошибся в расчетах?

– Мы провели здесь три дня и три ночи! – воскликнул я.

– Любопытный эффект, – равнодушно подытожил Лонли-Локли. – Но это и к лучшему. Трое суток – слишком большой промежуток времени для того, кто не захватил с собой бутерброды. Можно сказать, мне повезло, что мое восприятие времени изменилось.

Мне, конечно, хотелось выяснить еще множество подробностей о его существовании в моей пригоршне, но сэра Шурф сказал, что такого рода опыт проще пережить индивидуально, чем усвоить с чужих описаний. И великодушно предложил оказать мне

эту услугу. Я решил, что потрясенный на сегодня, пожалуй, достаточно и дипломатично сменил тему.

С завтраком мы покончили, с гостеприимным сэром Марунархом попросились. Пора было отправляться в Дом у Моста. Я чувствовал себя превосходно, только тело казалось совершенно невесомым под воздействием непомерной порции бальзама Кахара. Очень хотелось набить карманы камнями, чтобы не взлететь.

– Я не думаю, что вам следует садиться за рычаг, Макс, – заявил Лонли-Локли, усаживаясь в амобилер. – Вы – лучший из всех известных мне возниц, но в прежние времена, когда бальзам Кахара можно было купить в любой лавке, управление амобилером в таком состоянии было строго запрещено.

Пришлось смириться.

– Все-таки вы, жители границ, удивительные существа! – заметил Лонли-Локли, въезжая на деревянный настил парома, курсирующего между островом Холоми и Старым Городом. – Я, признаться, пока не уяснил, в чем именно состоит разница, но вы, Макс, разительно отличаетесь от прочих чужестранцев. Я – плохой теоретик, к сожалению, – с этими словами парень углубился в свой знаменитый "рабочий дневник". Надо понимать, спешил зарегистрировать свежайшие впечатления.

– Что вы имеете в виду, Шурф? – осторожно поинтересовался я.

– Не обижайтесь, сэр Макс! Просто существует мнение, будто бальзам Кахара, как и обычные увеселительные напитки, производит угнетающее действие на психику так называемых "варваров" – уж простите мне кажущуюся грубость этого термина! Некоторые знахари полагают, что бальзам Кахара даже опасен для умственного равновесия ваших земляков. Считают, что волшебные напитки могут употреблять лишь уроженцы Угуланда. С вами же ничего подобного не происходит. Напротив, данный напиток изменяет вашу психику гораздо слабее, чем это происходит с представителями так называемых "цивилизованных народов"... Именно это я и имел в виду. И еще раз простите, если я допустил бестактность.

– Вы забыли, Шурф? Теперь вы – мой друг и можете говорить все, что заблагорассудится.

Нечего и говорить, что я вздохнул с облегчением. Когда Лонли-Локли заговорил о моих странностях, я было решил, что каким-то образом выдал свое настоящее происхождение, и все труды Джуффина пошли прахом. Ан нет, ему, оказывается, удивительно, что я голым на столе после нескольких глотков бальзама не пляшу. Впрочем, в следующий раз надо будет его порадовать...

Сэр Джуффин Халли был весьма доволен увидеть нас живыми, здоровыми и победившими.

– Я не думаю, что для Магистра Махлилгла Анноха проблема жизни после смерти до сих пор актуальна, – с порога выпалил я. – Если бы мы его убили, когда он был жив, тогда еще всякое могло бы случиться... Но мы-то убили его уже после того, как он умер... Грешные Магистры, что я несу! Почему вы меня не останавливаете?

– Во всяком случае, я совершенно уверен, что его исследования завершены навсегда, – успокоил меня Джуффин.

– Хочется верить, поскольку этот ваш Магистр мне не слишком понравился. Кстати, я очень хотел доставить его вам живым... Ну, насколько его можно считать живым. Но у нас ничего не вышло.

– Магистры с тобой, парень! У вас и не могло ничего выйти.

– Я тоже так считал, – заметил Лонли-Локли. – Но приказ есть приказ.

– Был дурак, исправлюсь! – покаялся я. Рухнул в кресло и вдруг понял, что засыпаю. Пробормотал, закрывая глаза: – Не забудьте рассказать про воду, Шурф. Это было нечто...

Я все еще находился под благотворным воздействием бальзама Кахара, а потому проснулся всего час спустя. Чувствовал себя легким как перышко и на удивление бодрым. Мои коллеги пили камру, заказанную в "Обжоре" и о чем-то тихонько беседовали.

– Ага, оклемался, – обрадовался Джуффин.

Он смотрел на меня с подозрительным энтузиазмом, словно бы я был праздничным пудингом, который дошел, наконец, до нужной кондиции. Только что не облизывался.

Есть он меня все же не стал. Зато устроил медицинское обследование. Впрочем, на обычный медосмотр эта процедура не слишком походила.

Мне было велено стать у стены. Некоторое время Джуффин сверлил меня неподвижными светлыми глазами – не слишком приятное ощущение! Впервые за время нашего знакомства мне стало неуютно под его взглядом. Потом пришлось повернуться лицом к стене, что я с облегчением проделал. Некоторое время шеф изучал мою задницу и ее окрестности. Не удовлетворившись визуальным осмотром, принялся похлопывать меня по спине. Массаж, в отличие от игры в гляделки, мне понравился. Но потом жесткие ладони – раскаленная правая и ледяная левая легли на затылок, и тут мне стало худо. Словно бы я умер, и от меня ничего не осталось. Совсем ничего. И тогда я заорал – не от боли, а чтобы доказать себе и всему миру, что это не так. Ору – следовательно, существую. Идиотская формула, но она работает.

– Расслабься, Макс, – Джуффин заботливо помог мне добраться до ближайшего кресла. – Неприятно, согласен, но уже все!

Хорошее самочувствие вернулось ко мне мгновенно, чего нельзя сказать о душевном равновесии.

– А что это было?

– Ничего особенного. Обычный диалог тела знахаря с телом пациента. Не всем это нравится. Тебе, например, не понравилось, но в таком деле тоже нужна привычка, а у тебя ее нет... Ты готов к новостям?

– Смотря какие новости, – осторожно ответил я. – Они хорошие, плохие или как?

– «Или как». Все зависит от твоего чувства юмора, – многообещающе ухмыльнулся Джуффин.

– Ну, с этим у меня никогда не было особых проблем...

– Сейчас проверим. Видишь ли, сэр Макс, твоя – как бы сказать поточнее... физиология, что ли? – несколько изменилась.

– Это как? Я стал женщиной? Или мне больше никогда не придется ходить в уборную? Что вы имеете в виду?

– Да нет, ниже пояса у тебя все в порядке, – расхохотался Джуффин. – Насчет уборной и прочих радостей жизни можешь быть спокоен.

– Уже хорошо!

– Ничего страшного не произошло. Но такие вещи о себе лучше знать, как мне кажется... В общем, ты стал ядовитым.

– Ядовитым? Я?! – Заявление сэра Джуффина звучало просто нелепо. – Вы имеете в виду, что если меня кто-то съест, он умрет? Немедленно сообщите всем городским

каннибалам, иначе произойдет непоправимое! – Я хохотал так, словно делал это последний раз в жизни.

– Да нет, есть-то тебя как раз можно. И трогать тоже. Можно даже пользоваться твоей посудой и полотенцем, если кому-то придет такая охота – отсмеявшись, сообщил Джуффин. – Существует только одна проблема. Если ты разозлишься или испугаешься, твоя слюна станет ядовитой. Страшнейший яд, между прочим! Убивает мгновенно, просто попав на кожу – человека, во всяком случае. И этим ядом ты непременно плюнешь в обидчика. Могу тебя заверить, что хорошее воспитание тут не поможет. И сила воли ничего не изменит. Это – не вопрос выбора. Ты плюнешь, даже если примешь решение не плевать. Единственное, что ты можешь сделать, если не захочешь немедленной гибели своего собеседника – плюнуть куда-нибудь в сторону. Так что воспитывай характер, парень. Чтобы не раздражаться по пустякам. А то заплюешь весь Ехо!

– Все не так уж страшно, – нерешительно возразил я. – Не слишком я злобен. Если бы что-то подобное произошло с Бубутой, над человечеством действительно нависла бы грозная опасность! Конечно, хорошо бы попробовать – хоть разок. Глядишь, пойду в помощники к сэру Шурфу.

– Иногда это не помешает, – серьезно заметил Лонли-Локли, до сих пор сохранявший безмятежно-равнодушный вид. – Сами знаете, сэр Макс, порой на меня наваливается слишком много работы!

– А если вы забудете дома перчатки, не огорчайтесь. Что-что, а уж слюна всегда будет при мне! – великодушно заявил я.

– Сэр Макс, я не могу забыть дома свои перчатки! Как вам такое в голову могло прийти? – изумился Лонли-Локли.

Я понял, что действительно сказал глупость. Некоторые вещи попросту не могут случиться. Солнце никогда не повернет вспять, песок ни при каких обстоятельствах не утолит жажду, а сэр Шурф, отправляясь на службу, не забудет дома свои смертоносные перчатки. Так уж все устроено.

– А что же теперь будет с моей личной жизнью, Джуффин? – вздохнул я. – Ни одна девушка не решится целоваться с таким чудовищем! Может быть, сохраним новость в тайне?

– Объясни девушкам, что целоваться с тобой – занятие вполне безопасное. По крайней мере, когда ты не сердисься, – Джуффин пожал плечами. – А вот что касается тайны... Я и не собирался созывать по этому поводу пресс-конференцию, но сам знаешь...

– ... в Ехо полно дерьмовых ясновидцев, – закончил я.

– Вот-вот!

– А почему со мной вообще такое случилось?

– Это твоя судьба, парень! Когда ты сталкиваешься с магией высокой ступени, она воздействует на тебя несколько иначе, чем на... скажем так, нормальных людей, – Джуффин выразительно покосился на Лонли-Локли.

Сэр Шурф надежен, как скала, помещенная в сейф в Швейцарском банке, но заявлять в его присутствии о том, что я – пришелец из иного Мира, пожалуй, все же не стоило. Впрочем, я уже и так все понял.

– Никогда нельзя заранее узнать, что и как на тебя подействует, – добавил Джуффин. – Помнишь, что случилось в доме моего соседа?

– Но я же совсем недолго был вампиром, – жалобно возразил я. – Через пару часов все стало, как прежде.

– Правильно. Потому что мое заклятие было из тех, что налагаются на короткий срок. А призрак хотел тебя убить. Потому и заклятие у него получилось на славу. Что может быть более продолжительным, чем смерть?

– Утешили, спасибо!

– Привыкай, сэр Макс. Не думаю, что это происшествие – последнее в твоей жизни. Но все к лучшему! В доме Маклука ты стал немного мудрее, теперь в твоём распоряжении оказалось неплохое оружие... Кто знает, что будет дальше?

– Вот именно!

Несколько секунд я искренне пытался себя жалеть, но махнул рукой и снова расхохотался.

– А может быть, меня просто надо сводить к знахарю? Приду, скажу: "Доктор, у меня ядовитые слюни, что делать?" – "Нет проблем! Строгая диета, прогулки перед сном и таблетка аспирина на ночь. Через пятьсот лет все как рукой снимет!"

– Аспирин? Что это такое? – заинтересовался Лонли-Локли.

– О, это воистину магическое средство. Его делают из конского навоза, и оно помогает абсолютно от всего!

– Надо же! А наши исследователи пишут, что на границе очень плохо развито знахарство. Все-таки истина часто оказывается жертвой предрассудков...

Сэр Джуффин Халли схватился за голову.

– Стоп, господа! Я больше не могу смеяться, ибо вывихнул скулу. Последний совет, сэр Макс. Предлагаю считать, что тебе очень повезло. Безобидных и бесполезных привычек у тебя хватает. Самое время обзаводиться опасными! Твое новое приобретение может здорово пригодиться на службе. А если какая-нибудь истеричная барышня откажется с тобой целоваться, ты в нее просто плюнешь, и дело с концом. Ясно?

– Ясно.

– Отлично, – с этими словами он распахнул дверь и принял из рук курьера объемистый сверток. Бросил его мне на колени. – А теперь примерь вот это.

Я развернул пакет. Извлек оттуда черное, расшитое золотом лоохи, черную скабу, такой же тюрбан и пару изумительных сапог. На сапоги я залюбовался особо: их носки изображали стилизованные морды зубастых драконоподобных зверюг, а черные голенища были усеяны крошечными колокольчиками желтого металла. Конечно, у себя на родине я никогда не стал бы обуваться в нечто подобное, но здесь, в Ехо, это было самое то!

– Это подарок, Джуффин?

– Что-то в этом роде. Ты примерь, примерь...

– Спасибо, – и я принялся натягивать сапоги.

– Не за что. Тебе нравится?

– Еще бы! – я напялил на себя черный тюрбан, украшенный такими же крошечными колокольчиками.

– А лоохи?

– Секунду...

Я закутался в черно-золотой плащ и посмотрел на себя в зеркало. Оказывается, золотой узор был вышит таким образом, что большие сверкающие круги располагались на спине и груди, как своего рода мишени.

– Действительно здорово. Просто королевская вещь!

– Она и есть Королевская... Я рад, что тебе нравится, сэр Макс. Теперь тебе придется это носить.

– С удовольствием. Почему придется? И потом, жалко таскать такую красоту изо дня в день...

– У тебя будет столько комплектов, сколько понадобится. Ты еще не понял главного. Это – что-то вроде форменной одежды. Ты должен носить ее всегда.

– Отлично, но я все равно не понял. Вы же сами говорили, что, в отличие от полицейских, члены Тайного Сыскаго Войска не носят никакой формы! Это что, нововведение?

– Не совсем. Эта одежда – только для тебя. Теперь ты – Смерть, сэр Макс. Смерть на Королевской службе. А для таких случаев существует Мантия Смерти.

– И все прохожие, завидев меня, будут разбегаться, как от зачумленного? Хорошее дело!

– Все не так страшно. Завидев тебя, они будут благоговейно трепетать... и с нежностью вспоминать старую добрую Эпоху Орденов, когда люди в подобных нарядах встречались куда чаще. Твое общественное положение теперь настолько недостижимо высоко, что... Одним словом, теперь ты – невероятно важная персона. Сам почувствуешь!

– То есть, я – большой начальник? Не так плохо, действительно... А почему вы не носите подобную форму, Шурф? Вам-то уж, кажется, просто положено!

– Раньше я действительно носил Мантию Смерти, – равнодушно кивнул Лонли-Локли. – Но времена меняются. Для меня пришло время белых одежд.

– А я-то думал, что ваш костюм – дело личного вкуса! И что же означают ваши белые одежды?

Лонли-Локли пожал плечами. Ему явно не хотелось рассуждать на эту тему.

– Прошли времена, когда Шурф был Смертью, – торжественно заявил Джуффин. – Теперь он – Истина! По крайней мере, именно так именуется его должность в тайном реестре практикующих Королевских магов. Ну, а если говорить проще, наш сэр Лонли-Локли больше не способен рассердиться, испугаться или обидеться – в отличие от тебя, например. Он несет смерть, это правда, но только тогда, когда это действительно необходимо. Не потому, что так хочет он сам. Даже не потому, что ему так приказывают. Если, скажем, я прикажу сэру Шурфу испепелить невинного, он, как честный служащий, попытается выполнить мое распоряжение, но его рука откажется повиноваться хозяину. Вот и выходит, что по большому счету наш дисциплинированный сэр Шурф не подчиняется никому. Именно поэтому он – больше чем смерть. Он – Истина в последней инстанции, поскольку беспристрастен, как небеса... Тьфу ты, ну я и загнул! Все это, конечно, гремучая смесь наивной философии и скверной поэзии. Но суть дела, тем не менее, передает верно.

– Хорошо хоть я не должен носить что-нибудь оранжевое или малиновое! – я пожал плечами. – И все же я не в восторге от этой идеи...

– От тебя и не требуется быть в восторге. Смирись и постарайся получить удовольствие. Все, тема закрыта. Работать сегодня, как я понимаю, вы все равно не будете, а посему пошли в "Обжору". Я проголодался, вы проголодались. Вопросы есть?

– Есть, – проворчал я. – За чей счет гуляем?

В конце вечера за нашим столом каким-то образом собрались все Тайные сыщики. Конечно, ничего загадочного в этом не было. Скорее всего, Джуффин просто отправил им зов и предложил присоединиться к нашей пирушке. Но мне приятно думать, что

между моими коллегами существует некая таинственная связь. И прогуливаясь по городу, каждый, сам того не осознавая, непременно приближается к тому месту, где собрались остальные. Каким-то неведомым магнитом мы друг друга притягиваем, – примерно так я себе это представляю...

На прощание леди Меламори, весь вечер не сводившая с меня глаз, пригласила нас с Мелифаро навестить ее как-нибудь в сумерках и выпить вместе по чашечке камры. Согласно ее стратегическому плану, мы должны были явиться вдвоем и, вероятно, нейтрализовать друг друга. Интересно, издевалась ли она над нами или, того хуже, сама не понимала, чего хочет?

– Плюнь в нее, дружище, – шепнул мне Мелифаро. – Плюнь в нее, дело того стоит!

– Еще чего! – проворчал я. – Моя слюна – достояние государства. Переводить ее на личные нужды – служебное преступление. А я и так только что из Холоми...

К ночи я все же добрался домой, где меня встретили Армстронг и Элла, сытые и расчесанные, как и было обещано. Я решил, что теперь буду постоянно пользоваться услугами курьера, которому был поручен уход за моим зверинцем. Парень, в отличие от меня, просто создан для этой работы!

Всю ночь я пичкал своих питомцев деликатесами из "Обжоры" и упивался их благодарным мурлыканьем. Устал от этого занятия смертельно. Но отдохнуть мне не дали.

Разбудил меня стук в дверь. Так самоуверенно грохотать может только государственный служащий не слишком высокого ранга. Я поплелся открывать, злой, сонный и ничего не соображающий. Справа от меня вышагивал Армстронг, слева крутила задницей Элла, оба возмущенно мяукали. Зрелище то еще, полагаю!

За дверью стоял весьма представительный джентльмен, чье породистое лицо даже казалось умным, благодаря элегантным очкам в тонкой оправе и благородной седине на висках.

– Примите мои извинения, сэр Макс! – поклонился он. – Позвольте представиться: Ковиста Гиллер, Мастер Проверяющий Прискорбные Сведения. Я знаю, что являться к вам домой в это время не совсем прилично, но его Величество Гуриг VIII настаивал на срочном визите.

Врожденное чувство гостеприимства и подобострастный тон незнакомца вынудили меня пригласить его в гостиную. Благо там имелся почти полный кувшин камры из "Обжоры" и неплохой набор сладостей оттуда же. Оставалось лишь найти чистые кружки. В большом доме это не так уж просто.

– Что стряслось? – спросил я, когда мои поиски увенчались наконец успехом. – Что за «прискорбные сведения» вы хотите проверить? Неужели на меня наконец-то написали донос? Это надо бы отметить...

– Я сейчас расскажу, сэр Макс, вы только не волнуйтесь! Ничего заслуживающего внимания не произошло, будьте покойны.

– А вы, судя по всему, уже знаете о моем новом назначении, – ехидно заметил я. – Честное слово, я не собираюсь волноваться. Что бы там ни стряслось, но смертная казнь у нас, кажется, не в почете, а из Холоми я только что вернулся. Прекрасно провел время, смею заметить...

– Вообще-то, моя основная работа – проверять правдивость поступающих ко двору доносов, это действительно так, – смущенно признался мой гость. – Но прошу вас, сэр Макс, не подумайте, будто Король действительно серьезно отнесся к служебной записке генерала Бубуты Боха! Я здесь совсем по другой причине.

– Так-так-так! Наша беседа становится все более интересной. Сделайте милость, сэр, расскажите: какая такая служебная записка? Меня три дня не было в Управлении: по приказу начальства проводил расследование в Холоми. Так что же я натворил, по мнению генерала Боха?

– Мне даже неловко говорить с вами о таких пустяках, сэр Макс! Генерал Бох узнал, что в ваше отсутствие один из младших служащих Управления Полного Порядка посещал ваш дом и...

– И кормил моих зверей! – кивнул я. – Это чистая правда! Он их, между прочим, еще и причесывал. А зачем еще нужны младшие служащие?

– Совершенно с вами согласен, сэр Макс. Скажу вам по секрету: генерал Бох постоянно забывает о том, что Тайный сыск и его Полицейское войско – очень разные организации. Что не принято на его половине Дома у Моста, вполне допустимо на вашей. Бубута Бох не раз присылал нам доносы о поведении самого Почтеннейшего Начальника, я уже не говорю о прочих ваших коллегах.

– И что же именно не нравится Бубуте?

Ковиста Гиллер расплылся в смущенной улыбке.

– А как вы думаете, сэр Макс? Ему все не нравится! Например, что сэр Кофа Йох не появляется на службе, поскольку не вылезает из трактиров...

– Ну да, – согласился я. – Действительно безобразие! Сидел бы себе в кабинете, да ходил бы в общий сортир подслушивать, как Бубутины подчиненные перемывают косточки своему боссу... А то шляется по всему городу, понимаете ли!

Мой собеседник с удовольствием покивал.

– Король даже коллекционирует доносы на вашу организацию. Подклеивает их в особый альбом и украшает собственноручными иллюстрациями. Говорит, что подарит это собрание сэру Джуффину Халли, когда в альбоме закончатся страницы. Именно поэтому Его Величество внимательно прочитал письмо генерала Боха прежде, чем присовокупить его к своей коллекции. И Королю стало любопытно: зачем вы держите в доме скотину и какого рода удовольствие от этого можно получать?

– Да вы сами взгляните! – нежно улыбнулся я. – Видите, какие красавцы мои Армстронг и Элла? А какие умники...

Винюшники общественных потрясений услышали свои имена и взгромоздились ко мне на колени. Я крикнул под их нешуточной тяжестью. Длинная тщательно расчесанная шерсть струилась чуть ли не до пола, синие глаза тонули в пухлых щеках, пушистые хвосты шекотали мне нос. Мне было чем гордиться!

– Знали бы вы, как сладко спится под их мурлыканье, – мечтательно проворковал я. – Вот такое, с вашего позволения, удовольствие...

– А откуда вы их взяли, сэр Макс? – поинтересовался мой гость.

До сих пор не знаю, с какой стати я решил соврать. Решил почему-то, что котята обидятся, если я открою постороннему человеку тайну их плебейского происхождения.

– Эти котята – прямые потомки диких кошек Пустых Земель и загадочного черного зверя, пришедшего оттуда, куда садится солнце!

Я честно старался имитировать речь экзальтированного дикаря. Потом не выдержал, рассмеялся и уже нормальным тоном объяснил:

– Во всяком случае, именно так говорилось в записке, которую я нашел в корзине с этими малышами. Мне передал ее какой-то купец. Подарок от старого друга.

– Подумать только! – восхищенно воскликнул королевский посланец. – Его Величество угадал! Он сразу сказал мне: "Я уверен, что у этого невероятного сэра Макса живут столь же невероятные кошки. Пойди и все разузнай, мне любопытно!" Теперь-то я и

сам вижу, сэ́р Макс. Ваши кошки совсем не похожи на тех, что живут у нас на фермах!

– Если Его Величество считает, что Армстронг и Элла чудесные создания – что ж, я с ним полностью согласен, – подтвердил я, ласково прижимая к себе тяжелые мохнатые тушки. – Они действительно – нечто особенное!

Про себя же я подумал, что у местных фермеров просто не хватает ни времени, ни сил расчесывать роскошную шерсть своих питомцев. Мои котята и правда не слишком напоминали всклокоченных растреп, слоняющихся по крестьянским огородам в поисках дополнительной кормежки.

Мастер Проверяющий Прискорбные Сведения раз пять многословно извинился, что отнимает мое драгоценное время, и послал зов в замок Рулх, главную Королевскую резиденцию. Видимо, столь серьезное дело требовало весьма продолжительного обсуждения: парень молчал чуть ли не целый час.

Наконец Ковиста Гиллер снова обратил на меня внимание. Я, признаться, уже успел задремать прямо в кресле.

– Сэр Макс! – сообщил он почтительным шепотом. – Король хочет иметь таких же кошек. О нет, я не хочу сказать, что Его Величество намерен забрать ваших зверьков. Но ведь у вас мальчик и девочка, а значит, рано или поздно у них появится потомство. Смеем ли мы рассчитывать на котенка из первого же помета?

Это было неплохим решением грядущей проблемы. Котята ведь рано ли, поздно ли, а все равно появятся, никуда от этого не денешься! Прежде я планировал отправлять потомство Армстронга и Эллы туда, откуда в свое время получил их родителей: в поместье Мелифаро. Но Королевский Дворец – это даже удобнее. По крайней мере, ближе к дому.

– Разумеется, когда котята появятся, я с радостью пошлю Королю пару самых толстолапых! – торжественно пообещал я.

Ковиста Гиллер рассыпался в благодарностях, извинениях, комплиментах и наконец исчез за дверью. А я отправился в спальню.

Но выспаться в то утро мне так и не удалось. Через пару часов новый знакомый прислал мне зов. Оказывается, будущих котят Эллы и Армстронга немедленно захотели все придворные. Ковиста Гиллер полагал, что нам необходимо срочно увидеться.

Вечером у меня в руках был список желающих обзавестись "редкой" (и одобренной Королем!) породой кошек. Список из девяти восьми имен. Я подозревал, что это – только начало. Бедная Элла, а ведь, пожалуй, ей столько не родить даже за очень долгую жизнь... Но все эти вельможные господа так жаждали хотя бы попасть в список.

Разумеется, Джуффин тут же узнал о моих сношениях с Королевским двором и призвал меня на свидание. Я отправился в Дом у Моста, заранее предвкушая потеху.

– Что ты делаешь с моим Миром, Макс? Во что ты его превращаешь? – с напускной строгостью спросил Почтеннейший Начальник Малого Тайного Сыскного Войска. – И скажи на милость, почему только кошки? Надо было заставить их держать в доме лошадей, ездить верхом из гостиной в спальню... Чего мелочиться?

– Если хотите, можно попробовать, – задумчиво сказал я. – Благо размеры столичных квартир это позволяют...

– Не сомневаюсь, что у тебя получится! Господа придворные так падки на новые впечатления... Но потерпи пару лет, ладно? В моем возрасте трудно привыкать к таким нововведениям.

- Потерплю. Да Магистры с ними, с лошадьми! Ограничимся кошками.
- Правда? И на том спасибо! Грешные Магистры, иногда я сам начинаю верить, что ты вырос на границе... ты уж не обижайся!
- А вот ка-а-ак обижусь! И ка-а-ак плюну! – я скорчил зверскую рожу.
- Я бы испугался, пожалуй, да мне по должности не положено, – усмехнулся Джуффин. – Считается, что я никого и ничего не боюсь. Не могу же я вот так вдруг взять, да и похерить священные традиции Тайного Сыска!
- Кстати о традициях, – вспомнил я. – Скажите, а что должны проделывать друг с другом так называемые "близкие друзья"? Я не шучу. Мне правда надо знать.
- Что ты имеешь в виду, Макс? Кого ты называешь «близкими друзьями»? Объясни по порядку.
- Ну... прошлой ночью я перебрал бальзама Кахара и хлопнул по спине сэра Шурфа. Он, кажется, был этим доволен, так что все хорошо... Но потом я подумал, что наверняка существуют некие традиции, в соответствии с которыми я должен что-то регулярно проделывать, иначе он обидится... Ведь так?
- Да нет, ничего в таком роде я не припоминаю... – Джуффин наморщил лоб. – Помоему, никто ничего не должен проделывать. Просто можешь больше не говорить ему "сэр", хотя ты и так перестал это делать... Грешные Магистры, да что тут объяснишь! Дружба – она и есть дружба. Кстати, если ты помнишь, однажды я проделал с тобой то же самое...
- Да, но...

Я смущенно замялся. Неловко как-то признаваться человеку, что считаешь его Великим Исключением из всех мыслимых правил. Слишком уж похоже на грубую лезть. Но Джуффин и так все понял.

- Ты имеешь в виду, что я – свой парень, а наш Лонли-Локли – настоящий джентльмен? Да, есть такое дело... Но тебе повезло, Макс. Никаких особенных обрядов для такого случая не предусмотрено... Ну, разве что, если ты придешь к Шурфу в гости, имей в виду, что имеешь полное моральное право принять ванну и остаться ночевать – если захочешь, конечно. Ну и он такое право имеет, но вряд ли им когда-нибудь воспользуется... Ладно, сэр Макс, пару Дней Свободы от забот ты честно заслужил, а посему не смею тебя задерживать.
- Это звучит так, словно вы отказали мне от дома, – улыбнулся я. – Даже обидно как-то. Два дня не ходить на службу? Я же затоскую!
- Я рад, что ты любишь свою работу. Но сейчас тебе нужно как следует выспаться. И никаких приключений. Это я тебе как знахарь говорю. Ясно?

В коридоре Управления я столкнулся с генералом Бубутой. Он почтительно оскалился, потупив багровую физиономию. Кажется, бедняга был на грани обморока: узрев мою "Мантию Смерти", великолепный генерал Бубута понял, что нажил себе слишком опасного врага. Я мог ему только посочувствовать.

Шутки шутками, а проходя мимо "Сытого скелета", я услышал, как ругаются две пожилые дамы. Если не ошибаюсь, они играли в "Крак", местную разновидность покера. И, само собой, обе мошенничали. Они так расшумелись, что не услышали мелодичный звон колокольчиков на моих сапогах. «Чтоб в тебя сэр Макс плюнул!» – в сердцах заорала одна из них.

Ничего себе! Я сел на мозаичный тротуар и взялся за голову. И просидел так минут десять. Твердил как мантру формулу Джуффина: «смирись и получай удовольствие».

Потом встал и пошел домой. А что еще я мог сделать?